
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

стем более что сложив и рядом оказывается неустрашимым величество славянской власти), или же путем вооруженной борьбы, правых убогих.

Все эти моменты политического упадка Владимировского великого княжества развернулись с большой силой в последние десятилетия XIII века.

При рассмотрении этих событий внимание требует прежде всего само положение великокняжеского рода по отношению к престолу на великокняжеском столе. Это уже не род потомков Всеволода Юрьевича Великого Гюста, отчийей женой Ростовско-Суздальской земли. Это — только Ярославичи, сыновья и внуки в. к. Ярослава Всеволодовича. Спор о старшинстве и власти идет только между ними, словно только им одним великое княжение отчина и дедина. Такое сужение круга возможных претендентов на старейший стол не новость в древнерусских междукняжеских отношениях; и ранее — на киевском юге стремление ограничить этот круг пределами одной семьи возникало каждый раз, как на старшем столе появлялся сильный и деятельный князь. Но в данном случае дело представляется более сложным: крутая и яркая сила Александра Ярославича грозит приклонить в сторону следующие поколения представлений о престоле потомков Ярослава Всеволодовича и выдвинуть новую тенденцию, новые претензии на исключительное притязание по линии Александра Невского и его потомков, помимо бывших линий Ярославича дома.

Впрочем такие претензии Александровичей не могли проявиться с достаточной силой и определенностью сразу после его кончины. Старший из сыновей Александра, старший Василий, исчезает с исторической сцены после заключенной для него катастрофы 1257 года, дальнейшей судьбы его не знаем⁷. Второй, Дмитрий, был еще ребенком и не мог по смерти отца удержаться в Новгороде, где был номинальным представителем великокняжеской власти. Новгородцами по первым же вестям о кончине в. к. Александра высланы его сына из города⁸.

Обстоятельства перехода великокняжеской власти к в. к. Ярославу Ярославичу сильно запутаны в изложении наших летописных сводов. Но внимание к немногим точным датам⁹, какие можно установить, позволяет признать, что немедленно по смерти в. к. Александра «выгнана новгородская князь Дмитрий Александровича из Новгорода, сдруживши с посадником с Мокшалою, и «послава по князи Ярослава Ярославича», а 27 января 1263 г. «посадиша его на стол»¹⁰. К этому моменту естественно приурочить и заключение первого из договоров Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославичем¹¹. Новгородцами использован благоприятный момент для закрепления в форме пись-

Эти новгородские дела за время великого княжения Ярослав Ярославича заслуживали подробного обзора по их показательности для упадка великокняжеского авторитета. Огора, которую великий князь искал во власти ордынского хана, оказалась «платой о двух концах», как – в положении верховного султан русских отношений признал новгородцев правящие перед великим князем, но представляли их послы и князь Василий Ярославич. Необходимость для «великого княжения Владимирского и Новгородского» обладания Великим Новгородом – возмущала значение Новгорода в общерусских делах⁷. В ту пору широкое развитие новгородской торговли давало русифицированным сферам господства Великого Новгорода значительные материальные средства, эти сферы приобретали особый вес в Орде и у князей, а с другой стороны, усложнялись самостоятельным, даже решающим значение новгородских и великокняжеских интересов в вопросе западной великорусской политики. Зависимость великого князя от ордынской власти и новгородской силы ослабляла его авторитет по отношению к другим князьям, которые могли искать и искали самостоятельных связей и с той и с другой ради собственной выгоды и честолюбивых стремлений.

Эти общие черты политического положения Великороссии в последние десятилетия XIII века создавали весьма благоприятную почву для развития княжеского владетельского сотрудничества в ущерб объединению всей Великороссии под общей властью Владимирского великого князя. Строго говоря, у нас нет достаточных оснований, чтобы сказать про самого в. к. Ярослава Ярославича, что его главная опора не столько великое княжение, сколько его восточные тверские владения, а роли его «старушеческого» воеводы князя Юрия Андреевича Суздальского, Глеба Смоленского, вероятно, и других воевод – ростовских, ярославских, в составе «нижневской» его рати. Однако брат его Василий Ярославич и племянник Дмитрий Александрович – ведут свою политику, подрывая великокняжеский авторитет и в Орде, и в Новгороде Великом, и в своей княжеской среде⁸.

Князь Василий Ярославич остановил наступление Ярослава на Новгород – владычеством за новгородцев перед ханом и свидетельством в их пользу. Осторожное поведение князя Дмитрия Александровича объясняется, быть может, тем, что у в. к. Ярослава было от хана разрешение смочь Новгород. Но возможно, кроме того, и иной мотив, есть указание на то, что в. к. Ярослав стремился примирить с собой Александровича и иметь их на своей стороне. Выше мы видели, что он в 1205 году в «Новгороде оставил князя Дмитрия Александровича», княжущего там при отце и ради призвания Ярослава на новгородское княжение оттуда приглашенного, а затем послал ему в помощь свои полки для

Однако при всей живучести великокняжеских традиций власть великих князей Владимиро-суздальских находилась в руках братьев и сыновей Александра Невского в состоянии все нарастающего упадка. Великокняжеским претензиям старших Александровичей не соответствовали ни реальные их силы, ни подлинное значение в общей политической жизни Великороссии. Иллюстрировать поникшую «живучесть великокняжеских традиций» приходится фактами великого, немногочисленного попытками носителей великокняжеской власти действовать по-старому, в духе Александра Невского, притом попытками, которые не только не стоят на первом плане в сугубой и тревожной деятельности этих великих князей, но теряют смысл последовательной и выдержанной политики. И это не только потому, что сумасброд задач этой политики, что замыслили ее цели, что сводила она к поддержке слабейшей сановитости на окраинах Великороссии, преимущественно (почти исключительно) западных, более рискованной для исторических судеб великокняжеской власти, связанной со столбом Владимиро-суздальского княжества была потеря ее руководящего значения даже в тех действиях, какие были необходимы для этой сановитости северной Руси от внешних опасностей. Новгород и Псков, никогда разрывавшие на чрезвычайную зависимость своих отношений в союзах от произвольного волею-политического колебания Владимиро-суздальских великих князей на западных границах Великороссии, берут, чем дальше, тем больше, эту западную политику в свои руки, все повышая подлинно государственный характер своего местного «народоуправства». Псков почти вовсе ушел из-под влияния великокняжеской власти, впадая все глубже в круг обособленных от великорусской жизни западнорусских, литовских и немецких отношений. Великий Новгород теснее соединен с Великорусской радом экономических и политических связей, но и у него своя политика со шведами, датчанами и прибалтийскими немцами, с Литвой и Псковом, с Ордой и русскими князьями, которые в нем ищут влиятельного и богатого союзника не столько, если не более, чем сам он нуждается в их военном умении и «искусстве полка»⁷¹, растет, соответственно этому и политическая вольность господина Великого Новгорода и его влиятельная роль в разрешении внутренних столкновений во Владимирском великом княжестве из-за великокняжеской власти и ее отношений к местным владетельным князьям. Само развитие этих внутренних столкновений великорусского княжества свидетельствует о глубоком упадке великокняжеской власти, о потере ею значительного и необходимого политического центра канонично общего интереса северной Руси. Эти столкновения быстро разрастаются в борьбу за владимирское наследство, в кото-

рой главными действующими силами будут Тверь и Москва. Но в чем же состояло это «владимирское наследство» и за что боролись новые исторические силы?

Ослабление и внутренне-расшатанное Владимирское великое княжество сохранило до кончины в.к. Андрея Александровича старую политическую форму и основы старого внутреннего строя, как он определялся со времени кончины Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, а более устойчиво – с тех пор, как Святослав Всеволодович «сыновием своим погасил по городам, а воем бе им отец урядил Ярослав»⁷⁶.

Святослав, пишет С.М. Соловьев, «утвердил племенным словом, сыновей Ярославля, на уделах, данные им покойным великим князем, и повелевает: «здесь впервые слышаном себе впрвы уползубити это слово, слышанное отчичем, выделенное владичем, оставшееся постоиши при одной княжеской линии, ибо прежние воеводы княжеские не были уделами, и древний делитель не думал иного слова»⁷⁷. Но слова этого не знают ни летописные тексты, относящиеся к XIII веку, ни какие-либо иные памятники письменности этого времени. А под понятием «отдельного, выделенного владения, оставшееся постоиши при одной княжеской линии» скрывается целый ряд выделенных княжеских владений в Киевской Руси, начиная с Полоцкого княжества, выделенного Владимиром Святым для сына Изяслава и оставшееся отчиной «Рюрикшичи воевод», но не скрывает именно тот вид княжеского владения, какой в XIV в. и летописи, и княжеские грамоты называют – уделами⁷⁸. Обратимся к фактам.

На ростовском княжестве сидели окрестившие в татарское население Васильковичи, Борзи и Гнеб, как до того – старшее поколение ростовских отчичей – Константиновичи. В порядке ростовского княжеского владения – первый наглядный пример владения отчиной по уделам. Константиновичам – Васильку и Всеволоду – отец назначил первому Ростов, второму Ярославль, а Владимир, быть может, тоже по «ряду» отец – князь угодный, однако такое распределение княжеским уделом в общей их отчине не делает их обособленными друг от друга «князьми – собственниками» при Константиновичах – ростовские князья и впрямь выступают вместе представителями княжеской власти Ростовского княжества⁷⁹. Но уделы – потомственны, а переход их к

следующим поколениям неизбежно грозит – по мере ослабления семейных связей – разрушением единства общей отчины; владение ею по уделам легко может перейти в обособление ее частей как вотчин отдельных княжеских линий. Так, по смерти Всеволода Константиновича отрыв от ростовской отчины Ярославль, правда, совсем не обычным путем, ибо, по решению князей родичей, не только оставлен за одной княжной и ее